

Н. В. ГОЛОВКО

НАТУРАЛИЗАЦИЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ: Т. КУН И У.В.О. КУАЙН ПРОТИВ АПРИОРИЗМА*

«Натурализм» – одно из наиболее многозначных в смысловом отношении понятий в современной философии науки. Филип Китчер утверждает, что возрождение натурализма в середине XX в. было весьма закономерным и являлось своеобразной реакцией на

* Работа выполнена при поддержке Лаврентьевского конкурса молодежных проектов СО РАН – 2006 (проект № 153) и Программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук и их научных руководителей (проект МК-1862.2005.6).

«лингвистический поворот» в философии¹. Основания для «лингвистического поворота» были заложены в работах Г. Фреге, Б. Рассела и Л. Витгенштейна, которые опирались на следующие предположения: во-первых, логика и эпистемология не должны «испытывать влияние» психологии, во-вторых, философское знание является результатом исключительно логического анализа, т.е. априорным. Ранее мы уже обращались к анализу проблемы «возвращения психологии»², цель данной работы – проинтерпретировать проблему «отказа от априоризма».

По мнению Китчера, в настоящее время большинство сторонников натурализма следуют Э. Гетье, А. Голдману или Ф. Дретске, разрабатывая те или иные формы релейбеллизма, т.е. представления о том, что сам процесс формирования вер существенным образом зависит от «психологического (ментального) состояния» человека: от бихевиоризма (Б. Скиннер) до «законоподобия» (Д. Армстронг). В то же время натуралистами называют и тех, кто, следуя работам У. Куайна, отрицает идею априорности оснований логики и эпистемологии. Среди наиболее известных сторонников этого подхода считаются Л. Лаудан, Д. Шапир, Н. Решер. Достаточно близко к их теории примыкает направление, которое в качестве основания для «отказа от априорности» выбирает не возможность «ревизии знания», а социальные факторы. Условно, «отцом» этого направления считают Т. Куна, среди основных последователей: Р. Гир, Б. Барнс, М. Малкей. По мнению Китчера, все они делают «решающий шаг к тому, чтобы превратить логику, эпистемологию и философию науки в своего рода *мета-методологию*: анализ знания и соответствующих философских вопросов может быть релевантным *только* (курсив мой. – Н.Г.) в свете анализа конкретных исторических способов, посредством которых действительно проводятся исследования»³.

На наш взгляд, «пропагандируемый» в работах Куна и Куайна «отказ от априоризма» не имеет решающего значения для сохранения нормативного характера натурализованной эпистемологии науки. Указание на контекстуальность или удобство правил мета-методологии еще не является основанием для отрицания их нормативного характера.

У. В. О. Куайн и атака на аналитичность. Атака Уилларда Куайна на понятие «аналитического», в частности, его предположение, что любое утверждение может быть подвергнуто «пересмотру» (revisable), непосредственно подразумевает, что логические основания, определяющие формирование, а также основания для критики наших убеждений, сами по себе «беззащитны перед лицом исторического опыта». Как связаны возможность «ревизии» и «априорность»? Гильберт Харман указывает на то, что подавляющее большинство пытающихся ответить Куайну и продемонстрировать возможность восстановления дихотомии аналитическое–синтетическое, упускали из виду, что получающееся в результате понятие «аналитичности» так или иначе «решает» проблему априорности⁴. С точки зрения аналитической традиции куайновская критика «аналитического» автоматически являлась атакой на «априорное». Поскольку понятия «аналитическое» и «априорное» фактически отождествлялись, оставалась лишь дихотомия между «аналитическим» (истинностное значение выражения определяется значениями входящих в него терминов и поэтому может считаться независимым от данных опыта) и «синтетическим» (истинностное значение выражения непосредственно усматривается обращением к данным опыта).

Традиционно называют две работы Куайна, посвященные «атаке на аналитичность»: «Истина по конвенции» и «Две догмы эмпиризма». Первая посвящена обоснованию, что все аксиомы логики можно, при желании, заменить на «аналитические заместители» (analytic surrogates). Как указывает сам Куайн, можно заранее выбрать способ установления лингвистических соглашений, которые фиксируют значения терминов таким образом, чтобы выбранные нами аксиомы являлись истинными, и в этом, как он пишет, «нет никакого волшебства»⁵. Разницу между синтетическим и аналитическим можно сравнить с заменой одного языка описания на другой в зависимости от «пригодности». В заключительном параграфе «Двух догм эмпиризма» Куайн достаточно четко иллюстрирует эту мысль: «Глупо искать границу между синтетическими высказываниями, которые случайны и опираются на опыт, и аналитическими высказываниями, которые справедливы при любых обстоятельствах. Любое высказывание может считаться истинным при любых обстоятельствах, если мы произведем достаточно решительные преобразования внутри системы... ни одно высказывание не имеет иммунитета к пересмотру. В качестве средства упрощения квантовой механики был предложен даже пересмотр логического закона исключенного третьего; и в чем состоит принципиальное различие между этим сдвигом и сдвигом, посредством которого Кеплер вытеснил Птолемея, Эйнштейн Ньютона, а Дарвин Аристотеля?»⁶.

На наш взгляд, куайновский аргумент против априорности можно расширить, перенеся его в ту область эпистемологии, которая уже подверглась натурализации «через возвращение психологии». Возможно, по отношению к самому Куайну это будет «не совсем честно», поскольку он поддерживал бихевиоризм. В то же время следствием «возвращения психологии» является представление, что, например, понятия «знание» или «обоснование» связаны с характеристиками ментальных процессов, которые порождают и поддерживают наши представления. Как можно представить себе, например, априорный процесс обоснования знания «после возвращения психологии», каким в этом случае будет то априорное знание, являющееся результатом «реализации» процессов, которые, в некотором смысле, «не зависят от опыта»? Можно привести несколько примеров. Например, рассуждения математика, конструирующего доказательство или обоснование заключения посредством апелляции к понятию (логике) языка⁷.

В первом случае всегда можно сомневаться, действительно ли процесс «порождения доказательства» не зависит от некоторого «базового опыта», поскольку именно он привел к тому, что мы готовы воспользоваться, например, при доказательстве теоремы, данным алгоритмом (например, доказательством «от противного»). Во втором случае можно отметить, что опыт использования языка может порождать обоснованные

сомнения относительно «полезности» тех понятий, на которые мы опираемся. Тем самым мы задействуем куайновский аргумент, что нет никакой эпистемологической разницы между изменением значения понятия и изменением релевантной области концептуальной схемы, и приходим к выводу, что знание зависит от «благоприятного» опыта, который подкрепляет применимость концептуальной схемы. Куайн — эмпирик, поэтому результат очевиден: в любом случае мы будем возвращаться к его аргументу, указывая на зависимость от «базового опыта». «Как эмпирик, я в конечном счете продолжаю считать концептуальную схему науки инструментом для предсказания будущего опыта в свете опыта прошлого. Физические объекты концептуально вводятся в качестве удобных посредников не с помощью определения в терминах опыта, но просто как неустранимые постулируемые сущности, сравнимые — эпистемологически — с богами Гомера. С точки зрения эпистемологической опоры физические объекты и боги различаются только по степени, а не по природе. Оба вида сущностей входят в нашу концепцию только в качестве культурных постулатов. Миф о физических объектах эпистемологически лучше большинства других тем, что он доказал большую эффективность, чем другие мифы, в качестве инструмента для разработки управляемой структуры в потоке опыта»⁸. Таким образом, если мы готовы признать, что в ходе деятельности опираемся на результаты и используем методы наших предшественников, прислушиваемся к мнению авторитетов и готовы изменить представление о достоверности знания в зависимости от ситуации, то идею построения какой-либо «аналитической» реконструкции знания следует признать абсурдной. В силу этого куайновское отрицание априори «оборачивается» не только одной из радикальных форм эмпиризма, но, скорее, одной из форм историзма.

«Перенос» аргументации Куайна в ту область эпистемологии (логики), которая уже подверглась натурализации «через возвращение психологии», существенно ничего не изменяет, — ревизия, например, аксиом логики, возможна только в контексте конкретных исторических форм знания. Более четко эту мысль выразил Т. Кун.

Т. Кун и триумф историзма. На наш взгляд, было бы смело утверждать то, что Томас Кун действительно был озабочен «возрождением» натурализма. Однако нельзя отрицать, что его взгляды в значительной степени повлияли на становление натурализма, особенно в том, что касается критики состоятельности априорности логики и эпистемологии. Аргумент Куна менее очевиден и прямолинейен, чем аргумент Куайна: указывая на несоответствие между «официальной» наукой и методологией, с одной стороны, и реальной научной практикой — с другой, он стремится поставить под сомнение возможность аналитической (априорной) реконструкции того, как наука «должна развиваться». Выводы, аналогичные куайновским, можно почерпнуть из

«Структуры научных революций». Приведем следующий пример в пользу «отказа от априорности»: «Что представляет собой процесс, посредством которого новый претендент на статус парадигмы заменяет своего предшественника? Актуальность этого вопроса подчеркивается тем, что ответ на него является единственной реконструкцией, которую историк может предложить как материал для философского решения вопросов проверки, верификации или опровержения установленных научных теорий. В той мере, в какой исследователь занят нормальной наукой, он решает головоломки, а не занимается проверкой парадигмы. В науках операция проверки никогда не заключается, как это бывает при решении головоломок, просто в сравнении отдельной парадигмы с природой. Вместо этого проверка является составной частью конкурентной борьбы между двумя соперничающими парадигмами за то, что чтобы завоевать расположение научного сообщества. Для историка, по крайней мере, мало смысла полагать, будто верификация устанавливает согласованность фактов с теорией. Для современников больший смысл приобретает вопрос, какая из двух существующих и конкурирующих теорий соответствует фактам *лучше*»⁹. Кун стремится подчеркнуть, что обращение к истории науки способно «закрыть пропасть» между философско-методологическим построением и реальной научной практикой, однако проблема остается. Либо мы настаиваем на том, что философу доступны некоторые априорные принципы развития науки, которые недоступны самим ученым. Либо мы, опираясь на реальную практику деятельности ученых в прошлом и настоящем, приходим к принципиально «подверженной изменению» (fallible) теории развития знания. Большинство последователей Куна пошло по последнему пути.

Отметим, что для Куна, даже больше чем для Куайна, идея аналитической реконструкции знания (в вышеупомянутом смысле) выглядит крайне абсурдной. Мы развиваем идеи наших предшественников и тем самым «эпистемически зависим» от них. Ученые стремятся улучшить имеющиеся представления, обращаясь к стандартам исследований, которые включают в себя широко распространенные (принятые в данное время и в данном сообществе) ценности, которые сами по себе являются результатом принятых (доминирующих) представлений о природе. Следовательно, с точки зрения Куна, методологические нормы, которые должны регулировать развитие научного знания, фактически «переплетены» с уже принятыми представлениями. Для Куна, как и для Куайна, идея априорной эпистемологии выглядит не более чем мифом.

Натурализм и эпистемология науки. Основная задача, которая стоит перед сторонниками натурализма — сохранение нормативного характера эпистемологии (Л. Лаудан, Ф. Китчер, Д. Папино, И. Ниинилуото и др). Как отказаться от априорной нормативности и в то же время сохранить возможность выдвижения нормативных требований, зависящих от контекста?

С точки зрения Ларри Лаудана, натурализованная эпистемология «превращается» в мета-методологию: методологические принципы (правила) представляют собой гипотетические императивы, достоверность которых напрямую зависит от имеющихся эмпирических данных в отношении применения этих правил¹⁰. Например, утверждается, что натурализация эпистемологии заставляет принять в философии «идеал эмпирической подтверждаемости» и подразумевает «копирования» ей методов естественных (М. Рьюз) или когнитивных (П. Хакер) наук¹¹.

На наш взгляд, фактически, натурализованная эпистемология, или мета-методология, представляет собой особого рода методологию, в отличие от традиционно понимаемой методологии как учения в рамках которого теоретическому анализу подвергаются механизмы и условия реализации «методологических возможностей» и «методологической функции» философии¹², в данном случае содержанием мета-методологии как методологии выступает анализ «наилучших» методов достижения/получения знания исходя из конкретной практики, принятой в рамках данного сообщества. Это значит, что построить натурализованную эпистемологию можно не только на основе естественных наук, но и на основе других систем представления о мире, таких как здравый смысл, религия или мифологии. Говорить о возможности сохранения нормативности натурализованной эпистемологии можно будет только после того, как мы перейдем к ее конкретной форме, которая, например, закрепит, какие методы обоснования и принятия утверждений легитимны.

Предметом нашего анализа является возможность построения именно *эпистемологии науки* – натурализованной версии эпистемологии, возникающей вследствие натурализации классических проблем аналитической эпистемологии «на материале естественных наук». Задача эпистемологии науки – объяснить, как «мы приходим» к знанию в области науки, как и почему познает наука. Естественно, описание того, как ученые фактически «получают знание», не содержит нормативной информации по поводу того, как они должны его получать. Однако у нас всегда есть хорошие основания предположить, что не все «процессы формирования вер» одинаково хороши. Эпистемология науки – это эмпирическая наука; то, что один метод исследования может яв-

ляться «более хорошим», чем другой (положительность может оцениваться по степени достоверности или по способности привести к истине), является эмпирическим фактом (доступным сравнению в реальной научной практике). Данное обстоятельство может быть основанием для выдвижения нормативного утверждения: необходимо придерживаться именно «хороших» методов. Вопрос о том, является ли метод «хорошим» – это эмпирический вопрос, исследуемый на конкретном историческом материале. На наш взгляд, данное обстоятельство является одним из оснований сохранения нормативного характера эпистемологии науки, что является своеобразной «положительной эвристикой» защищаемого нами подхода натурализации¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: **Kitcher P.** The Naturalists Return // *Philosophical Review*. – 1992. – Vol. 101. – P. 53-114.

² **Головко Н.В.** Натурализация эпистемологии и «возвращение психологии»: проблема мотивации // *Вестн. ТГУ. Философия*. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006.

³ **Kitcher P.** The Naturalists Return // *Philosophical Review*. – 1992. – Vol. 101. – P. 69.

⁴ См.: **Harman G.** Quine on Meaning and Existence I: The Death of Meaning // *Review of Metaphysics*. – 1967. – Vol. 21. – P. 124–151.

⁵ **Quine W.** Truth by Convention / *Ways of Paradox and Other Essays*. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1976. – P. 95.

⁶ **Куайн У.** Две догмы эмпиризма / С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. В.А. Ладов, В.А. Суровцев. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 45.

⁷ См., например: **Kitcher P.** The Nature of Mathematical Knowledge. – N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1983.

⁸ **Куайн У.** Указ. соч. – С. 46.

⁹ **Кун Т.** Структура научных революций. – М.: Изд-во АСТ, 2001. – С. 191–192.

¹⁰ **Laudan L.** Normative Naturalism // *Philosophy of science*. – 1990. – Vol. 57. – P. 44.

¹¹ См., например: **Ruse M.** Taking Darwin Seriously: A Naturalistic Approach to Philosophy. – Oxford: Blackwell, 1986; **Hacker P., Bennett M.** Philosophical Foundations of Neuroscience. – Oxford: Blackwell, 2003.

¹² См., например: **Симанов А.Л.** Методологическая функция философии и научная теория. – Новосибирск: Наука, 1986.

¹³ Наша интерпретация натурализованной эпистемологии науки, сохраняющей свой нормативный характер, изложена в работах: **Головко Н.В.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы в пользу научного реализма // *Вестн. НГУ. Сер: Философия*. – Т. 4, вып. 2. – 2006. – С. 51–57; **Он же.** Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма // *Вестн. НГУ. Сер: Философия*. – Т. 5, вып. 1. – 2007 (в печати).